

Дмитрий МАРКОВ

ГАЛИЦКО-РУССКИЙ ВОПРОС*

I.

Малороссы по натуре народ добрый, терпеливый. Исторические страдания, сознание векового рабства закалили характер мягкого малоросса, сделав его устойчивым и беспощадным в борьбе за народные права. Тем объясняется колиивщина или гайдамачество на Украине: с этой точки надо смотреть и на исторические типы Гоголя (Тарас Бульба) и Шевченка (Гонта, Железняк); те же черты встречаются и у галицкого малоросса. Оторванные от русской культуры и русской государственности червонороссы долгое время находились в неволе, духовной и физической. В глазах пана или латинского ксендза червоноросс еще недавно был только «быдлом», без земли и прав гражданина. Но раз ему удалось порвать «кайданы», он становится заклятым врагом своих притеснителей. Эта социальная и национальная психология – следствие вековых страданий малороссов – не встречала однако объективной оценки у противников. Близорукий враг, где только и как только мог, подливал масла в огонь.

Причины такого печального явления, повторяющегося и в наше время (кровавые выборы, убийства крестьян в спорах с помещиками), кроются в особом культурно-национальном типе и в социальных и государственных взглядах. Малоросс защищал все время славянскую культуру, т. е. свою славяно-русскую народность; поляк, воспитанный на началах западноевропейского феодализма и римского клерикализма, считал и считает, к сожалению, еще ныне чуть ли не призвани-

* Настоящая статья принадлежит перу видного галицко-русского политического деятеля и публициста Д. А. Маркова, депутата венского рейхсрата. Освещение галицко-русского или, вернее, русско-польского и украинского вопроса, данное г. Марковым в этой статье, отличается точностью, ясностью и простотой. Нельзя сказать того же относительно меры, какую предлагает автор статьи для разрешения «украинского вопроса» у нас и за рубежом: в данном случае формула, предложенная г. Марковым, отличается некоторой туманностью. «Украинский вопрос» в Зарубежной Руси в его историческом генезисе еще несколько понятен, хотя дальнейшее его развитие может, как то признает и г. Марков, гибельно отразиться на судьбе Галицкой Руси. У нас же, в империи, само существование украинского вопроса является полнейшей нелепостью, плодом детских наивных мечтаний наших все еще беспочвенных интеллигентов-украинофилов. *Примечание редакции.*

ем своим уничтожать «варварскую», т.е. славяно-русскую культуру. Малоросс по складу души крайний демократ, поляк – аристократ *par excellence*... Польский интеллигент видит свою задачу в служении чужим идеалам. Рим, чужие и не народные династии, выгоды шляхты и вообще интеллигентных слоев составляют его первейшую заботу; крестьянин польский у него на втором плане, славянство на последнем.

И в Галичине, несмотря на полвека конституционной жизни, до сих пор нет между поляками *настоящей народной, славянской демократии*. Политика и воспитание галицко-польского интеллигента находятся все еще в рамках старопольской идеи, аристократической, не народной и далеко не славянской.

Правда, современные польские партии шеголяют формально демократизмом, но это лишь дальнейшее развитие все той же политической идеи. Вместо шляхетской партии станчиков в настоящее время у поляков имеется несколько новых партий: демократов, народных демократов или вшехполяков, людовцев, католических централистов и т.п. Но стоит присмотреться к ним ближе, и окажется прежняя идея поэта Скарги и Мицкевича, с ее шляхетскими рыцарями и римскими прелатами.

Без катастрофы поляки не откажутся от старой формы и старых границ польской «*dzielnic-ы*». Им постоянно грезится старинная, победоносная Польша от моря до моря – хотя бы пока лишь в форме аллегорического старопольского рыдвана с прикованными к нему легионерами Малой и Белой Руси!

Новейшие события в Галицкой Руси являются доказательством только что сказанного. Сознвая ослабление Русского государства, вызванное страшными ударами на Дальнем Востоке, одна часть польской интеллигенции, так называемые вшехполяки, и польский клир объявили новую безрассудную войну Востоку. Результаты деятельности успели уже сказаться: массовые убийства крестьян во время выборов, политические гонения и тюрьмы, насильственная латинизация бедного, следовательно, зависимого рабочего люда, костелы в чисто русских селах и деревнях и т.д. Правда, одно время казалось, что польские политики опомнились: устроена была искренно и без задней мысли славянская манифестация в австрийском парламенте против прусской экспроприации; последовали затем славянские дни в Праге.

Не тут-то было. Даже убийство галицкого губернатора графа Андрея Потоцкого украинофилом-студентом Сечинским лишь на минуту расшевелило совесть польских политиков. После похорон несчастной жертвы польской политики все пошло по-старому, тем более, что

и убитый граф, как впоследствии оказалось, был таким же бесщадным исполнителем польской исторической миссии, как его дед и его прадед.

И в наши дни продолжается безумие и неистовства в отношении русского братского народа. Тюрьмы наполнены по-прежнему русофилами и украинофилами, кто за песни о политическом убийце, кто за явно выраженное сочувствие убийце или его родным. Между тем поляки должны были бы идти плечо о плечо с чехами в общей борьбе против натиска германизма.

II.

Известный галицко-русский деятель А.И. Добрянский часто называл унию безобразием. Мы не пойдем так далеко; по-нашему, уния это то же, что брак поневоле, с теми же последствиями. Таково и единение Червонной Руси с Римом. Огнем и мечом насадили у нас унию польские паны и иезуиты. Буллы умнейших римских первосвященников – Климента, Венедикта и Урбана остались в Польше пустой и мертвой буквой. Они под напором местной польской иерархии никогда не исполнялись и не исполняются.

Но еще недавно, особенно с момента перехода червоннорусских земель от властной шляхетской Польши под скипетр царствующего дома Габсбургов, уния казалась сносной. Было, например, время, когда галицкое греко-католическое (униатское) духовенство, пользуясь конституционными основными законами, стало заводить у себя порядки, отвечающие именно постановлениям названных выше пап.

За время управления Львовской митрополией покойным М. Яхимовичем, очень способным и деятельным архиепископом, началась коренная чистка греческо-русского обряда. Однако эта чистка русской души и русского обряда кончилась для нас печально. Митрополит М. Яхимович умер скоропостижной смертью (говорят, его отравили польские иезуиты), протоиерей Наумович и его сподвижники попали в опалу и принуждены были жестоко каяться за деятельность. Движение 70-х годов понемногу утихло.

И лишь бороды, этот видимый знак «схизмы», еще долгое время беспокоили польских ксендзов. Причем и тут дело не обошлось без репрессий и процессов. Так, священник В. Саламон из Комарник до конца своей жизни вел с Римом и Львовской митрополией спор из-за своей бороды, которая была признана греховной. В 1885 г. император Франц Иосиф запретил приветствовавшим его угро-русским священникам носить бороды.

С этой поры не могло быть и речи о дальнейшей чистке русского обряда. Призраки бородатой «схизмы», встревожившей польских

гладкобритых и хитрых прелатов, скоро совсем улетучились. Лишь так называемые «святоюрские попы» (кличка для непримиримых поклонников реформы обряда), сверстники митрополита Яхимовича и протоиерея Наумовича, оставались в душе праведными, хотя свое православие проявляли только в том, что часто не упоминали папы во время литургии – особенно Пия IX, которого после его благословения турок в русско-турецкую кампанию прямо ненавидели.

С переводом Наумовича в Россию пришел всему конец. *Excommunicatio latae sententiae* по поводу перехода в православие села, где был протоиереем Наумович, осталась грозным *memento*.

Притихли и ревностные старики-священники, работавшие над национальным, культурным и экономическим подъемом галицко-русского крестьянина. Осталась у них лишь глубокая вера в правоту русской идеи и вера в ее победу. Этой веры не поколебал даже последовавший в 1882 году захват иезуитами василианских монастырей с их миллионным имуществом. К концу 80-х годов польские политики уверили Вену, что рано или поздно можно будет воссоздать Польшу, конечно, в прежних исторических границах, но во главе с Габсбургами. Для проведения в жизнь этой затеи надо было подготовить почву, прежде всего, в галицко-русском обществе.

С этой целью провозглашена была в 1890 году в Галицком сейме так называемая «новая эра», иначе говоря, второе издание Брестской и Люблинской унии в миниатюре.

Польским политикам удалось поймать на эту удочку украинофилов, которые устами депутата Романчука провозгласили не только верность Австрии, но и принципиальное подчинение и преданность Риму. Окончательно запряг в униатскую колесницу украинскую партию (за исключением радикалов) львовский митрополит Сильвестр Сембратович, хотя ему и не удалось вполне оправдать надежды Рима.

В последнее время появилась новая звезда на галицком небосклоне. Пятнадцать лет тому назад постригся в униатские монахи польский граф Андрей Шептицкий, бывший кавалерийский офицер, юрист по образованию. Шептицкому с самого начала удалось завоевать сердца простодушных галичан: даже такой умный и прозорливый деятель, каким был покойный А.И. Добрянский, поддался на эту удочку и был очарован новым епископом.

Спустя четыре года граф Шептицкий почувствовал почву под ногами. Прежнее настроение духа – мистическое, умиленное – заменилось иным, более реальным. Двести тысяч крон годичного дохода Львовской митрополии создали совсем другое настроение. Граф Шептицкий сперва повез раза два-три русских униатов в Рим; затем посетил с униатами-паломниками Иерусалим; сам же лично, где мог,

участвовал в торжествах общекатолических, интернациональных. Все эти торжества, поездки, аудиенции создали графу Шептицкому популярность дипломата и ловкого царедворца.

Но по мере этих успехов в самой епархии замечалось полное запустение: в церквах грязь, беспорядок, в обряде хаос, церковное пение в упадке, среди белого духовенства деморализация, недостаток дисциплины и крайняя партийная борьба. Это, однако, нисколько не мешало успехам графа Шептицкого и не поколебало к нему симпатий.

Только в последние годы заметные тени затемнили в душах галичан до сих пор светлую личность будущего апостола соединения «схизматического» Востока и католического Запада.

На похоронах гр. Шембека, польского епископа - изгнанника из России, граф Шептицкий в надгробном слове не только хвалил борьбу графа Шембека с питавшим его русским государством и народом, но даже объявил себя, хотя и в сдержанной и политической форме, прямым преемником и последователем гр. Шембека. Действительно, в последние три года создан в галицких церковных делах настоящий ад. Из духовных семинарий изгоняются (или просто не принимают) русские воспитанники-кандидаты, от священников отбирается присяга не читать русских и украинских радикальных газет, русские священники (русофилы) преследуются с большим упорством, чем во времена исторической Польши.

Венцом этой подпольной деморализации русского народа и его церкви являются бесчинства василианского ордена как в Австрии, так и в Америке.

Реформированные недавно иезуитами василиане совершенно переменили в настоящее время свой облик. Старые василиане были «обрядовцы» и любили свой народ. Молодые реформированные иезуитами – это дикие, необузданные шовинисты. Их главные черты – фанатизм, фальшь, крайняя бесхарактерность и полное невежество. Единственной их задачей является борьба против «схизмы», против «москалей». В настоящее время все василиане – украинофилы. В церковь они вводят насильственно латино-польские новшества и постепенно заменяют таким образом русский обряд латинским и польским; с проповеднической кафедры они возбуждают народные непросвещенные массы к систематической борьбе со «схизмой» и с «москалями».

Церковные и монастырские имения они продают часто евреям. Правительство не противится этому, тем более что вырученные деньги посылаются обыкновенно в Рим. За последние несколько лет продано несколько поместий. Четыре года тому назад василиане хотели продать старинную церковь в Подгорцах, и только протест паствы и боязнь, что она перейдет в православие, помешали продаже старинного храма.

В 1908 г. василиане предложили Львовской городской думе продать старинный Свято-Онуфриевский монастырь XII века. Характерно при этом, что городской архивариус и хранитель местных древностей поляк Чоловский высказался за сохранение старинного монастыря и назвал поведение василианского ордена вандализмом; в то же время представитель митрополита, протоигумен Филас изъявил согласие на продажу самой старинной части монастыря, колокольни.

Латинизаторские планы графа Андрея Шептицкого не ограничиваются, однако, внутренней деморализацией галицко-русской церкви, но идут значительно дальше. Недавно в Сквиливе вблизи Львова основан новый униатский орден св. Студита. Студитов в настоящее время около 50 человек; в орден принимаются не только русские греко-католического обряда, но и инородцы латинского обряда.

Студиты подготавливаются для деятельности на Востоке. С этой целью собираются во всех приходах пожертвования на постройку громадного униатского монастыря в Вифлееме. Рядом с этим гр. Шептицкий вносит растление и в украинскую партию, более радикальную и в делах веры более индифферентную.

Ловкая политика графа Шептицкого не замедлила отразиться и в Америке, среди галицких эмигрантов, где также уже началась страшная религиозная рознь. В начале 1907 года была издана Римом булла «*Ea simper*», подчинившая вновь назначенного униатского епископа, шляхтича и василианина Сотера Ортынского католическим епископам, воспретившая тайну миропомазания, брак униатских священников, крещение детей смешанных супружеств в русский обряд и т.п. Эта булла, встреченная единодушным протестом американских униатов, тем не менее вступила в Америке в жизнь и должна подготовить постепенную и полную латинизацию американских униатов.

Латинизация американских эмигрантов-малороссов является первым шагом латинизации малороссов вообще, началом полонизации Червонной Руси. Полонизация же Червонной Руси составляет лишь скрытую, но общую цель всей польской интеллигенции, от которой польские интеллигенты не так скоро откажутся. На тайном заседании польских консерваторов в Кракове (*prawica narodowa*) решено было как раз после Пражского съезда и в присутствии выдающихся польских неославян приступить, прежде всего, к систематической латинизации Восточной Галиции. Этот план осуществляется на наших глазах, и польские газеты печатают даже ежемесячные списки о переходе русских униатов в латинство.

С нашей стороны нет, к сожалению, надлежащего отпора, нет систематической борьбы и организации. Галицко-русская интеллигенция в общем терроризована. С отдельными лицами поступают бесце-

ремонно. Українофільський редактор Цегельський, обличавший графа Шептицького і назвавши його в газеті «Діло» польським Валепродом і ворогом Руси, принужден був выбити із складу редакції. В середі так называємої русько-народної партії положення ще хуже. Пишущему ці строки пришлось испытати немало неприємностей за те, що він указував на підпольну роботу уніатських єпископів.

Конечно, рано или поздно придется одной части нашего общества – интеллигенции – взяться смело за борьбу с опасным врагом. Начало уже сделано. Русская молодежь и образованные крестьяне уже организуются. Правое крыло русько-народної партії, виднейшіє представителі котрої ще не так давно підписали митрополичий маніфест по вопросу о постройке уніатського храму в Вифлеєме, буде парализовано новою еволюцією в самій партії.

III.

Летом 1908 г. в Галицію приехали вместе с графом Бобринским русские гости их империи. Львов встретил гостей без протеста, но на третий день кто-то бросил в экипаж, везший графа Бобринского, тухлое яйцо. Впоследствии оказалось, что авторами этого скандала были студенты львовской ремесленной школы. Мои единомышленники, особенно младшие, едва не вступили в свалку. Старики отговаривали, сваливали вину на украинские школы и на Шевченко, отца и родителя украинского радикализма. Лишь полицейский агент, стоявший на улице, выразился покрепче: «dziez, psiakrew tatarska». В чем же, собственно говоря, дело?

Несомненно, украинофильство – опасный нарыв на русском теле. Нарыв этот пока назревает. Пока он лишь рос и получал форму, за больным ухаживали разные врачи: они-то и впрыскивали разный яд для того, чтобы сделать русский организм более нечувствительным и пригодным для дальнейшей вивисекции. Тут были польские пань, иезуиты, австрийские министры, и особенно со всеми «Drcibund'a» тут исполняли роль ассистентов, фельдшеров свои же подневольные, недальновидные и слабохарактерные прислужники – рабы.

Украинофильство еще так недавно было движением более демократическим и социальным, нежели национальным; национальная окраска была лишь внешней формой движения. В России оно шло параллельно с освободительным движением.

Украинофилы в Австрии в борьбе с аристократической Польшей, с главенством лукавых польских политиков и иезуитов сыграли огромную роль. Идеи Тараса Шевченко были живым огнем, который жег сердца галицко-русской молодежи, воодушевляя на борьбу с польским и венским жестоким режимом.

Сочинения Шевченко воспитывали идейно нашу молодежь; они и научили ее самоотверженно бороться за «долю и волю» галицко-русского мужика, стонавшего под гнетом панов и немецких чиновников.

Смело и без смущения принялась украинофильская партия за задачу приобщить в социальном и культурном отношении к мировому прогрессу свою интеллигенцию. Украинофильство скоро сделалось именно благодаря своему демократизму и своей первоначально беспощадной тактике по отношению поляков, панов и поработителей галицко-русского мужика сильным фактором в возрождении Галицкой Руси. Консервативная русско-народная партия исполняла свою задачу в другом направлении, более идеальном; украинофильство было левым крылом, и, надо признать, очень сильным рычагом экономического и социального развития народа. Это и заставило поляков смотреть на него как на вопрос будущего, как на дело совсем реальное.

Скоро старая русская партия после ряда гонений и вследствие своих же ошибок принуждена была уступить первое место украинофильству, более живому и подвижному. В надежде борьбы с ненавистной «Москвой» поляки уже в эпоху третьей революции поддерживали украинофильское движение. В рядах украинской молодежи раздавались прокламации о совместных судьбах исторического трилистника (Русь, Польша и Литва), а генерал Мирославский в своем завещании писал: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон в сердце России. Пускай уничтожают Русь! Раздуем ненависть и споры в русском народе! Русские будут рвать себя своими же когтями... Мы зато будем расти, будем крепнуть...».

Окончательная попытка была сделана в 90-х годах. Заключен был договор политического и церковного характера (при министре иностранных дел гр. Кальноки); введено в школах фонетическое правописание; сами поляки заговорили о политической Украине – «від Карпатів до Кавказу»... Так очутилась Польша с униатско-антирусской и малорусской Украиной в одной паре!.. И с этой поры насажден был шовинизм и невиданная до сих пор ненависть к России и русским. Польская школа не коверкала понятия юных малороссов о России и вообще о русском народе. «Москва и схизма» составили альфу и омегу украинской воспитательной системы. Скоро, однако, украинофильство окрепло и показало зубы.

Года два тому назад украинские студенты с редким мужеством начали борьбу из-за Львовского университета, сопровождавшуюся враждебными манифестациями, за которые манифестанты были посажены поляками в тюрьму. Затем в 1908 году галицко-русский студент,

«украинец» Сечинский убил львовского губернатора графа Потоцкого. Польское общество обиделось университетским «вандализмом», оно огорчилось, вскипело, просто взбесилось после апрельского страшного события, но скоро помирилось с фактом. Для «украинского» университета подыскивается уже место – вероятно, Черновцы как самый близкий и подходящий Пьемонт против русского единства; в деле Сечинского стали искать психоза.

И не скоро порвут польские политики узы, связывающие поляков с украинцами, ибо для существования ягеллоновской идеи необходимо историческое трио: Русь, Польша и Литва. Разорвать эти узы может и должен, в интересах славянства, лишь русский народ и русское общество, у которого есть на это законное право. И развязка вопроса должна наступить возможно скорее; иначе случайные волны бурного украинского потока, оставившего под напором враждебных стихий свое русское русло, могут порвать плотину и окончательно иссякнуть в чужом озере, ослабив, конечно, глубину и ширину мирного течения могучей русской реки.

Украинофильство в настоящем его, так сказать, исключительно галицком издании опасно, и с ним необходимо бороться, но культурными средствами. Лучшие люди, вышедшие из среды малороссов, указали путь, по которому следует направить ныне украинский вопрос: это путь национального и культурного единства.

Великий Гоголь не только поставил на пьедестал выдающихся борцов и мучеников за единство Руси, но он в «Мертвых душах» завещал нам, малороссам, свою глубокую, беспредельную и идеальную любовь к необъятной, широкой и великой Руси!... Даже Тарас Шевченко, хотя он и горько плакался на гнет «москалей», т.е. чиновников и дворян, и он не имел в виду две или три Руси, а лишь один свободный, могучий и счастливый русский народ... *«Не вернется козаччина, не встатнуть гетьманы»*, говорит Шевченко в стихотворении «До Основяненка», хотя тут же прибавляет: *«Наша дума, наша пісня не вмре, не загине»*...

Таковы малорусские гении в их задушевных мечтах, в их цельных, ясных и определенных убеждениях. Собирали они русскую душу и русских героев по всей Русской земле и нам завещали делать то же самое. Именно теперь надо беречь всякую единицу, надо собрать огромную массу энергии для осуществления полной *гармонии русской племенной силы*, всего русского народа. Эту дружную, черную и тяжкую работу пускай освещает лучезарный луч, святая цель: *русская культура, ее могущество и ее величие!*